

конечно, не отъ того, чтобы Толстому измѣнилъ талантъ (напротивъ, онъ не измѣнилъ ему ни разу въ теченіе его долгой жизни, онъ великодушно отомстилъ ему за пренебреженіе, покинулъ его почти только съ его послѣднимъ вздохомъ и сдѣлалъ такъ, что Толстой долженъ былъ сознаться, въ одномъ письмѣ: „Лежу и ничего не дѣлаю, а совершенно неожиданно для меня обдумываю самую неинтересную для меня вещь — „Хаджи-Мурата“ (...): нѣтъ, герой-горецъ вышелъ не чрезмѣрно-сильнымъ потому, что его духовный творецъ тяготѣлъ къ высокой обыкновенности. Несмотря на кровавый ореолъ своихъ убійствъ, своей храбрости и силы, Хаджи-Муратъ — простой, не выше человѣческаго роста; онъ улыбается доброй улыбкой и, когда слушаетъ звонъ подареннаго ему брегета, едва удерживаетъ дѣтскую улыбку удовольствія. А другой, еще большій герой, Шамиль, является передъ нами даже и въ такихъ негероическихъ положеніяхъ, какъ то, когда посмѣивается надъ нимъ и избѣгаетъ его жена, сердитая на него за то, что онъ не ей подарилъ шелковую матерію, — и Шамиль въ бѣлой буркѣ нѣсколько разъ тщетно входитъ въ пустую комнату неблагоклонной жены...

Убивающій позу и фразу, Толстой переводитъ мнимый героизмъ и наши обманныя или самообманныя рѣчи на языкъ нелицепріятной правды. И въ такомъ толстовскомъ духѣ выдержана эта сцена, когда встрѣчаются князь Воронцовъ и Хаджи-Му-